

Юрий Аракчеев

Презентация



18+

Юрий Сергеевич Аракчеев

Презентация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39145552

SelfPub; 2018

Аннотация

Москва, начало 90-х. Капитана советской армии, ветерана афганской войны, приглашают на презентацию российско-американской газеты, где должен выступать президент Ельцин. «Афганец», разочаровавшийся в том, что происходит в России, решает совершить покушение на того, кого он считает виновником всех бед. Ему удастся пройти на презентацию с зарядом динамита. Взрывать или не взрывать – вот вопрос... Повесть издана в 1995-м году издательством «Вече». Переработана и дополнена – октябрь 2018.

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	18
3	31
4	40
5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Часть 1

1

Страшно не было. Наоборот. Едва ли он ощущал когда-нибудь такое чувство свободы.

Впрочем, только в самый первый момент. Когда счастливо удалось миновать охрану у входа, потом празднично украшенное фойе и занять место в зале неподалеку от первых рядов, в среднем ряду и с краю. Усевшись, он едва мог сдерживать эйфорию мальчишеского восторга. Получилось! Теперь только бы Он пришел, а еще лучше все трое, хотя главное, конечно, Первый, самый главный. Азраил, ангел смерти, ждет. Еще немного, и справедливое возмездие совершится.

Презентация! Презентация! Представление совместного российско-американского издания – «Интер-ньюс!» – воистину новый шаг к сближению двух великих стран, Соединенных Штатов Америки и России! Будут выступления главных соредакторов и приветствия, будет маленький концерт, будет короткий, но оч-чень художественный фильм-сюрприз. Угощение, разумеется, тоже будет, а как же. И это еще что... Сам обещал быть – сам Президент вместе с высшим руководством страны! – не говоря уже об иностранных гостях!

Ну, конечно, представители прессы и телевидения. Обещали даже экстренную прямую трансляцию, вот как! Сенк ю, леди и джентльмены, дамы и господа, спасибо вам за этеншн.

Презентация! Презентация! Настоящий праздник, искра радости в измученной трудностями столице, маленький пикничок-с на большом пути молодой великой страны, устремленной к новой, теперь-то уж точно свободной жизни – с капитализмом-с, рынком-с, религией-с и всеми прочими прелестями, о которых столько лет мечтали замордованные социализмом трудящиеся. Презентация! В Киноцентре, новом шикарном здании, совсем неподалеку от знаменитого на весь мир Белого дома России. Колоссально, грэнд!

Толпа у входа потихоньку росла. Милиционеров и омоновцев в форме было немного, человек двадцать-тридцать всего, но внимательные молодые личности с цепким взглядом стояли группками, парами, поодиночке по всему периметру здания Киноцентра, у каждой дверей, на ступеньках лестницы, ведущей к главному входу, на всем пути от метро. Людей шло не очень много, посторонние прохожие могли и не заметить ни особенного людского потока, ни личностей в штатском, но у входа все же образовалась толпа – небольшой тромбик, сгущение, которое с одной стороны рассасывалось, а с другой нарастало, – и по взволнованности, напряженности лиц, скованности, ограниченности движений можно было легко догадаться, что произойти должно нечто очень, ну очень важное.

Несколько больших и маленьких телевизионных и кино-автобусов неподалеку от входа, множество разноцветных, сверкающих чистыми лакированными телами автомобилей, аккуратно выстроившихся у парапета, придавали особую значительность действу. Вот разве что музыки не было, это да.

Тщательно проверяли пригласительные билеты и удостоверения личности, потому что билеты были ведь именные. Люди в штатском зорко оглядывали входящих, портфели и сумки необходимо было сдавать в камеру хранения тут же, неподалеку от входа.

– Нет, нет, граждане, не каждому, конечно, не каждому, это ж если все сразу повалят, куда ж... Билетики на сей раз именные – бесплатные, но именные-фамильные, – это вам не какое-нибудь хухры-мухры, не очередные «Рога и копыта» под названием гордым «СП», это мероприятие солидное, с присутствием самого Президента, так что, извините, пардон то есть, билетик ваш пригласительный и документик тут же, будьте любезны, ага, проходите, плииз... А сумочки-портфельчики вон туда, у нас камера хранения, пожалуйста, будьте любезны, не обессудьте уж. Милости просим, добро пожаловать, следующий. О-кей!

У него проверили тоже. Депутатское удостоверение и значок сделали свое дело. Пропускающий даже приветливо, чуть ли не дружески кивнул ему. Небось, тоже «афганец»,

брат.

И вот теперь он сидел в зале, молился мысленно о том, чтобы все получилось, и воспоминания о недавнем прошлом сами собой проплывали...

Нет, не сборы были самым тяжелым. И не решение. Решение было естественным. Путь к нему был долгим, мучительным, но когда понял, что надо делать, стало легко и свободно. Это лучший выход. Достойный и честный. Похоже, единственный.

Сборы тоже дались легко. Все наредкость удачно складывалось. То, что надо было достать, достал. И быстро придумал, как сшить «сбрую» – серо-зеленые плитки получились, как на «лимонке», под рубашкой. Он – большая «лимонка»... И никто ни о чем не догадывался, ни близкие, ни знакомые, вот что важно. Конечно, никому и в голову не могло прийти такое. Простота решения ошеломила его самого. И впервые за долгие последние месяцы он ожил, почти счастлив был. Как ни подмывало рассказать кому-то, молчал, держался. Пусть на самом деле никто ничего не знает, иначе «сознавшихся» потом будут брать пачками. Гранату-взрыватель, маленькую «лимонку», тоже легко достал, купил на толкучке у незнакомого. Запал усовершенствовал, чтобы не через четыре секунды, а – сразу. И буквально за час – в озарении – сочинил «историческое», последнее в этой жизни послание. Перепечатал сам в конторе, сделал на ксероксе у знакомых пятьдесят копий и утром разослал по адресам, ко-

которые заготовил раньше: бросил в почтовые ящики в разных районах города.

И все же не это, не это оказалось самым трудным, мучительным, как теперь стало ясно, не это...

Презентация! Презентация! Воистину жизнь непобедима. Она не кончается даже в столь тяжелые периоды существования когда-то великой страны. Фойе Киноцентра убрано сотнями цветов (каждый из цветочков – не один десяток рубликов у цветочников, жителей знойных областей бывшей державы), столы внизу в ожидании многочисленных высоких гостей уже ломились от бутылок всевозможнейшего калибра, от подносов, ваз, тарелок, тарелочек, затейливо выложенных бутербродами и просто кусочками разнообразных закусок – ах, какие восхитительные орнаменты, полузабытые многими даже из тех, вполне избранных гостей, которые нечасто бывают в скучных и мрачненьких магазинах наших времен – победившей молодой демократии! Ах, какие запахи реяли уже опьяняющими волнами в волшебном пространстве за мрачноватыми серыми стенами современного здания, какие ароматы! Но здесь ведь не только гастрономические и цветочные зефиры и струи – здесь еще и совершенно пленительные букеты женских духов – из Франции, из самого Парижа, даром что вторая половина газетной редакции американская, Париж-то он ведь остается по части «духовных» изобретений непревзойденным! Божественное очаро-

вание царит в фойе... Экселент! Бьютифул! Бон апетит! И – ах, как много, как мени фэр лэдииз – прекрасных дам! – в России! И ведь какие наряды у них у всех, какие умопомрачительные прически! Уж, конечно, здесь не обошлось без привлечения представительниц самой изысканной природной модификации, чаровниц высшей пробы, чудом удержавшихся пока еще на территории бывшей одной шестой, не покинувших все еще палубу тонущего корабля, ставшую, увы, почти непригодной для жизни! За что им сердечное, дружеское спасибо-с от остающихся бедных аборигенов. Сенкс, мерси-с, вери матч... Впрочем, дай-то им Бог уцелеть, сохранить природную свою первозданность, как говорится, пошли им судьба надежных, устойчивых спонсоров! Ах, нет, ну какие же все-таки очаровательные, какие соблазнительные аборигенки ин Раша, то есть в бедной России-с, какие леди греновые – фэр, ну просто фэриссимо лэдииз, сплошной улет и соблазн-с!

...Только выйдя из дома, войдя в метро и встав на эскалатор, он осознал, как все непросто, сколько непредвиденных, случайных опасностей подстерегает его.

Был вечерний час пик. Люди упорно и суетливо стремились к одинокому устью ступенчатой ленты (вторая, как водится, ремонтировалась), и густой тонкой струей толпа стекала вниз, в подземелье. А он ощутил, как хрупко все. Милиционер может остановить почему-нибудь. Споткнуться мож-

но и вниз загреметь. Драка случайная, это запросто. Да просто сломается что-то здесь, в метро, мало ли. Не поехал в такси, чтобы не дай-то Бог, не попасть в аварию, не зависеть от настроения водителя, неисправности машины, от пробки на улицах, но и тут...

Удивительно, как все-таки они соблюдают порядок, подумал он с едкой и грустной усмешкой. В такой-то толкучке. Тут ведь и старики, и инвалиды, и дети, но что-то не слышно, чтобы кого-нибудь просто-напросто раздавили. А ведь могли бы по теперешним-то временам. Что это, сочувствие друг другу в общей беде, солидарность? Или тупая, годами вбитая «организованность» стада? Война, осада. Осажденный неприятелем город. Стресс и молчание. Апатичное, мрачное недовольство, бесчувствие. Астенический синдром, анестезия достоинства... Мрачная, бесполой толпа.

«В СССР секса нет!» – вспомнилось почему-то давнее смешное заявление женщины по ТВ. А в теперешней России есть? Одно стремление ведь – к выживанию, одно сильное животное чувство – поесть. Впрочем, нет, почему же – вон они, вон мужские голодные взгляды, вон робкие глаза женщин. Но секс ли это на самом деле? «Секс», может быть. Но не любовь. «Секс» – на телеэкране, на картинках в переходах метро, на бумажных листиках книжек, журнальчиков и плакатов, во всех кинотеатрах, в открытых недавно «секс-шопах», где за немалые деньги продается искусственное, синтетическое. Любовь, радость ушли в рассуждения, в разговоры

о том, чего в жизни нет, в лучшем случае – в имитацию. А у него теперь даже «секса» нет, подумал, опять усмехнувшись. Какое уж тут... У него теперь другое. Совершенно другое. Что за мысли лезут в голову? Глупость.

То холодел, то обливался горячим потом от мысли, что любая случайность может перечеркнуть исторический тайный замысел. Держись, капитан. О, Господи, твоя воля.

Осторожно шел, держался подальше от края платформы. Главное, избегать столкновений и зорко следить. Держись, «афганец», это тебе не в чужой и враждебной стране, это в своей. Господи, если прав я, да свершится воля Твоя. И пусть не минует чаша сия, но помоги сейчас. Только чтоб не бессмысленно, только чтоб до конца. И не зря.

Такого одиночества не ощущал даже в Афгане. Даже когда лежал в пекле и плавился от жары, высыхал, а рядом пластались два неподвижных тела, и над ними жужжали мухи, и сбегались уже муравьи, и сдавленные рыдания сотрясали, и слезы застилали глаза, и в правой руке сжимал мокрую и липкую от пота рукоятку «макарова», а левой машинально пытался отогнать мух от мертвого лица лучшего друга, но не мог даже поднять голову над камнями, потому что вокруг были «духи»... Даже тогда не ощущал такого космического одиночества. Ребята ведь были еще где-то рядом, их души растерянно реяли, потеряв пристанища, и он был с ними, он чувствовал, кажется, их невидимые касания, словно от крыльев бабочек, а в километре за перевалом свои, и где-

то на далеких просторах России тоже свои, и была жива Лида, и Васька получал в школе пятерки, и собственная смерть уже не пугала тогда, порой даже казалась желанной, привычной, несмотря ни на что – не страшно оставить то, что есть, перебыются... Пахло полынью, жарой, потом. И смертью. А одиночества не было. Боль, бессмыслица, досада и ненависть были. Приторная, слезливая и сопливая любовь была. А одиночества не было.

Беспомощность угнетала.

А одиночества не было.

Теперь – один. Совершенно. Чистый, в белой рубашке. Вот для чего, оказывается, сорок лет жил на земле. Чтобы проехать в конце несколько станций метро со своей ношей. И выйти потом на поверхность, в солнечный осенний вечер. Пройти в здание, миновав охрану. И сидеть теперь в ожидании. В ожидании Президента.

В СССР секса не было. В России теперешней настоящего секса нет тоже. Одна только боль.

Презентация! Презентация! Добро пожаловать, леди и джентльмены, дамы и господа, чувствуйте себя комфортно, располагайтесь, радуйтесь – видите, какие шикарные леди энд флауэрс в фойе, какие уютные кресла, видите? – устроители постарались! Как это секса нет, как это?

Конечно, и «афганец» заметил великолепие убранства, как такое не заметить, но не радостью отозвалось – горечью,

и тотчас мелькнуло: и эту красоту, и эти райские кущи придется разрушить, хотя... Хотя здесь вряд ли будут разрушения, разве что испуганная толпа, ринувшись из зала, сметет и кресла, и столики, и цветы... Цветы, конечно, не виноваты. И девушки. Но все равно это липа, все – продано, все показуха. А в первую очередь гибнет всегда красота. Не рождение это и не свадьба. Похороны. На похоронах всегда больше цветов. Едят, правда, меньше, но все равно ведь едят.

И все-таки, все-таки посмотрите: не правда ли, лукавые устроители постарались, а? Оно ведь и понятно: закон сохранения целого существует всегда, и если где-то чего-то катастрофически не хватает, то ведь это совсем не значит, что того же «чего-то» нет уже и вовсе нигде. Ну правда хорошо, посмотрите, ну правда? И секса полно – гляньте, какие девушки! И даже так сказать можно: раз в одном месте нет, – значит в другом – в избытке! На всех все равно не хватит, а здесь – пожалуйста!

Ах, ну воистину же внутренность Киноцентра втянула в себя много, очень много всего, ну прямо этакий получился сгусток. Гляньте, гляньте, ну так ведь и хочется кричать, ну просто сам рот раскрывается, и голосовые связки сами действуют, просто неудержимо:

– Да здравствует наш дорогой, горячо любимый Президент, давший нам свободу! И все наше совершенно, ну просто абсолютно, с ног до головы сексуально-демократическое правительство! Да здравствует новая совместная газета! Да

здравствует демократия! Слава! Слава!

А как воскликнешь все это, облегчишься душой, так и настраиваешься... Ах... Ах... Плииз сначала смотреть и нюхать, а потом уж – скоро! скоро! – и пить, и кушать, и осязать, пожалуйста! Иитьте на здоровье! Лет аз скоро вас пригласить!

Есть в России демократической секс, есть – смотрите, обоняйте, кушайте от души, дамы и господа, торгуйте, хватайте, радуйтесь, а еще... Ну-ка, ну-ка, позу измените чуть-чуть, а то правительству неудобно. Вот так, а то ему надоела ваша прежняя поза. Вот так. Потом снова измените, когда скажут. Вот так. Сенкс.

Ведь и то правда: что самое ценное в изменчивой, беспорядочной человеческой жизни? Последовательность, порядочность, верность принципам. Послушание. Гармония отношений, движений и поз, ага? А значит получается что ж: будь верным принципам демократии в лице ее наидостойнейших представителей – и будешь последовательно и порядочно вознагражден. Кайфом. Не зря старался директор и главный распорядитель, художественный, так сказать, руководитель презентации этой, а также весь коллектив будущей газеты и соседнего с Киноцентром итальянского ресторана, не зря! Ибо трудно переоценить воспитательную роль такого шикарного, воистину высококультурного и, можно с полным правом сказать – сексуального! – действия, тем более, если оно происходит в стране, влачащей убогое, прямо-таки ни-

щенское, бесполое существование: контраст всегда особенно впечатляет, а в данном конкретном случае он и должен вселить уверенность в завтрашнем дне тех, кто сюда приглашен и кто с полным правом может причислить себя к истинным демократам. Молодцы, одним словом. Гуд мен. Балдеж правительству – балдеж вам. Спасибо. Есть секс в демократической нашей России, есть. Очень даже. И – впечатляет. Гуд мен.

...Это была его собственная инициатива, его личный Смертельный Замысел. Боялся ли он смерти? Когда-то очень боялся, как всякий нормальный человек. До тех пор, пока не начал задумываться, что же такое жизнь. Смерть – потеря жизни, вопрос в том, что теряешь, теряя жизнь. Вообще-то жизнь раньше казалась ему прекрасным даром Природы. Несчастья, болезни, всякие неприятности портили наслаждение жизнью, но не перечеркивали его. Но так было до тех пор, пока он по-настоящему не задумывался. И до Афгана возникали тревожные мысли, но Афган прояснил.

На эту тему он мог бы, наверное, написать целую книгу, если бы ему была дана такая способность. Суровую, горькую книгу о том, как восторженный юноша становится желчным, ненавидящим мудрецом. Ненавидящим потому, что бессильный. Он не видел выхода из того положения, в каком оказался. Смерть – не выход, смерть – поражение, а нужен выход победный. Война была не просто несправедли-

вой, она была противоестественной, запредельной. Он должен был убивать людей, которых не знал, которых должен был считать неправыми и которые справедливо пытались за это убить его. И он должен был делать это потому, что ему приказывали. А приказывали обычные люди, такие же, как он. Которым, однако, он почему-то должен был подчиняться. Это и есть бессилие и бессмысленность. Полное отсутствие жизни и – секса, если уж говорить о нем, ибо секс на самом деле – это не баловство вовсе, это взаимоотношение полов, это радость. Секс – это показатель нормальной жизни. Потому что именно в гармоническом отношении полов рождается новая жизнь, в половой любви ведь рождены все. Убивающие секс убивают жизнь. Извращающие – извращают ее.

Он ненавидел не тех, кого убивал, а тех, кто приказывал ему делать это. На самом деле он должен был убить тех, кто приказывал, потому что тех, кто не подчинялся им, убивали они. И он хотел, он готов был убить их. Но – кого? Конкретно кого? Ведь непосредственным его командирам приказывали в свою очередь те, кто был выше чином, – его командиры были в таком же положении, как и он. Высшим чинам, в свою очередь, приказывали еще более высшие... Да, да, необходимо добраться до тех, от кого исходили самые первые приказания, до самых главных. Но кто они? Как добраться до них?

Он стал бояться не смерти, а бессмысленности ее, как и бессмысленности жизни. Смысл – вот что стало для него самым главным. Но смысл был утерян. Все было утеряно. Его

душу изнасиловали в Афгане. Но ему и в голову не могло прийти, что будет потом.

Собирались, собирались между тем в Киноцентре представители высшего света столицы. Ах, это, конечно, не то, что раньше, в бывшие, давние времена – тут не было законных, что ли, аристократов, потомственных... Но зато какие удачливые, какие талантливые новые люди! И какие красивые... Вот, к примеру, один из таких – референт самого Президента. Ну ведь он же был совсем недавно самым обыкновенным, самым рядовым сотрудником задрипанного НИИ, ничем буквально не выдающимся, не блиставшим никакими особенными талантами, ни умом, а вот разве что принципиальным неприятием окружающей действительности – агрессивным, напористым, желчным и совершенно необаятельным, хотя и хищным в отношении женщин, весьма... И что же? Его заметили, поддержали, и вот он уже в элите! Конечно, теперь-то он ни в какой мере не критикует сегодняшнюю действительность – разве что исключительно прошлую! – потому что новая власть дала ему все, чего не было раньше – он был никем, а стал-то всем! – и, конечно же, конечно, власть эту новую он будет защищать по гроб жизни, потому что она-то и есть справедливая, она-то и есть настоящая. Она и есть балдежная и, можно сказать, – сексуальная во всех смыслах власть для него! Посмотрите, какой гордый, полный достоинства вид теперь у нас, какая осанка, какая снисходитель-

ная, однако же добрейшая вроде бы приветливость во взгляде, совершенно изгладились – и заметьте! – в самое кратчайшее время недовольные дистрофичные морщины на посвежевшем, чуть ли уж и не румянном лице! Ну прямо комсомольский вождь прежних времен, как выразился однажды наш хороший гражданский поэт! Он перестал суетиться, он стал хорошо есть и спать, его жизнь совершенно нормализовалась. Красив, красив, ничего не скажешь, а борода? Нет, какая густая, пышная и какого же насыщенного каштанового цвета борода и как она хорошо гармонирует с остальной волосяной растительностью на гордо посаженной голове! И одеколон. Да, он теперь пользуется французским, самым дорогим. Женщины? А что женщины? Одинаковые они все и за угощение и подарки согласны на все. Скучно. Ему не нужно. Так, иногда. Для профилактики. Для здоровья. Женщины, мужчины – какая разница? Да, теперь все равно.

Ну, этот-то ладно, он все же не из самых важных, не из самых нужных новой власти людей, таких у нас множество – только свистни, – но вон, посмотрите, вон тот, с довольным простым и мужественным лицом, без бороды и усов, однако же в великолепном, прекрасно сидящем на суховатой фигуре костюме, видите, вон тот, лет сорока, рядом с очаровательной дамой в платье ослепительной бирюзы? Вот он-то истинная надежда нации, опора молодой демократии старой страны – директор биржи, ее глава, ворочающий, представляйте себе, миллионами. О, это, будьте здоровы, какой пройдо-

ха и хлыщ, а вон тот, а вон там еще, а вон...

Да, много, много тут было интересных людей в этом уютном зале и в фойе Киноцентра. И брокеры были, и дилеры, и дистрибьюторы. Брокер, дилер, дистрибьютор, клиринг, лизинг и дизайн... Музыка! Новые, совершенно новые, необычные, иностранные, но такие очаровательные, такие игровые слова в этой стране, они теперь постоянно звучали вокруг – и с экранов телевизоров, и по радио, и просто в разговорах: новые времена – новые песни! А еще, конечно, и более сложные словечки-конструкции, ну, например, консалтинг, маркетинг, инновационный... Не говоря уж о таких забавных и милых, милых, как, например: холдинг, ноу-хау, траст, маржа, фьючерс! И еще, еще самое очаровательное, журчащее, мужественное, самое, пожалуй, сексуальное: вачеррр... Ах, ведь вот один удачливый коммерсант сочинил даже небольшую частушечку, этакую молитву-мантру, словесный такой талисман, и обязательно напевал про себя, когда шел на деловую, важную встречу: она будто бы приносила ему удачу, потому как ублажала небось слух какого-то лукавого торгового божества. Вот она, глупая, хотя милая, милая эта частушечка:

Лизинг, клиринг и дизайн!

Брокер, дилер, дистрибьютер!

Цап валюту! Айн, цвай, драй...

И – купил себе компьютер!

Компьютеров у коммерсанта этого было будто бы и на са-

мом деле несколько, а уж видеков, музцентров и всяких микроволновок-миксеров тем более, а частушечка все приносила и приносила удачу, и он решил будто бы купить себе уже и второй «мерседес» — для брата, — потому как деньги-то тереяли цену, а валюту за деревянные не всегда цапнешь. И все у него, коммерсанта нового, хорошо было, но только побаивался он очень одного словечка, точнее — понятия, которое, в отличие от предыдущих, навевало ужасную тоску. Даром что звучало не на английский и не на немецкий, а во все даже на нежный французский лад, отчасти напоминая прекрасные романы, читанные когда-то в далеком детстве: «Три мушкетера» к примеру, или «Двадцать лет спустя», или почему-то даже не совсем приятное: «Всадник без головы». Противное словечко, мерзкое, хотя и звучит, если не знать смысла, красиво: ре-ке-ти-и-р... Да-да, несмотря на многочисленную нанятую уже на кровные денежки охрану, оно, это «французское» словечко, все равно смущало.

Ну, в общем, много, много было интересных людей в здании Киноцентра сейчас, чего уж там. Были, конечно, и представители этой самой профессии, обозначенной красивым «французским» словом, только их, конечно, так сразу ни за что не определишь в толпе, тем более, что они порой один к одному напоминали представителей совсем другого, можно даже сказать противоположного, ведомства и, в отличие от франко-звучащего, вполне даже ле-ги-ти-ми-рованно-го, раньше называвшегося на три буквы, потом тоже на три,

но другие, а сейчас как будто и вовсе на две, если, правда, не на все четыре. Различить представителей было трудно, но, что ни говорите, и те, и другие все же славные молодцы!

А вообще-то ура, ура, получилось, получилось! Удалось наконец создать-вывести породу настоящих людей в кратчайшие сроки! Сколько старались другие – не получалось. А тут получилось, получилось! Есть теперь в демократической нашей России настоящие мужики, есть!

Посмотрите, вот они, вон они, красавцы удалые, молодые, крепкие, крутые! Здоровые, сильные – им принадлежит страна! Свободные! Не отягощенные глупостями. Им, им принадлежит будущее, достойным! Они наверху – остальные внизу, мужчины, женщины, какая разница! И делают, что хотят! Какая тут гармония, какие там сопли-слезы! Топчи, бей, плюй, ломай – вот он, истинный секс!

Гитлер, Муссолини... Кто там еще? Ленин, Сталин? Они, что ли, сверхчеловеки великие? Может быть, Ницше, славивший Заратустру? Ракоши, Пол Пот, Мао, Саддам? Ерунда. Наш доблестный Президент – вот кто сумел добиться. Не на словах – на деле! Молодые, оборотистые, сильные молодцы выросли. Рынок, свободный рынок – вот отец хозяев жизни! Никаких сантиментов, никакой глупой жалости! Пусть неудачник плачет! Стариков – долой! Инвалидов – долой! Ветераны? Еще чего! Слабым не место в обществе будущего – обществе российского свободного рынка! Пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Лекарства? За деньги, боль-

шие деньги. Образование? А зачем же всем? Нет, пусть образование будет у лучших, сильных, богатых, самых-самых, которые заплатят столько, сколько надо. За все – платить! Вот лучший принцип отбора.

Айн-цвай-драй! Орднунг! Орднунг! Порядок – долой шушеру всякую! Долой природу! Деньги наперед инстинкта. Ваучер – наперевес. И – вперед к победе вождельного, радостного, милого сердцам обновленным капитализма!

Вот ведь хитрецы наши правители: не говорили, как другие, что мол, «Россия – империя зла», что, мол, нужно и другим дать жизненное пространство, достойнейшим, что, мол, дранг нах остен или там «Верхняя Вольта с ракетами», нет. Наоборот: «Свободная великая Россия, любимые россияне», благополучие и процветание. Милые, милые вы наши овечки, шелковые, безгласные... Ведь сколько полчищ пыталось: и татаро-монголы, и Литва, и шведы, и турки-японцы, и Наполеон со своими пушками-ядрами, а уж про Гитлера и говорить нечего. А – шиш! Не взяли! Тут же – спокойненько, без всяких выкриков-лозунгов, без полчищ – собрались потихоньку в лесу три мужика крепких... И – на тебе, выкуси, нет державы! Есть что-то невыразительное, причем на три буквы опять же... Секс сплошной, ну просто всеобщий, порнуха и блуд. Но дальше-то, дальше. Тихо, спокойно. Никакой тебе философии, никакого глобального плана – Вейсман-Морган там или «окончательное решение национального вопроса через Циклон-Б», – а просто: свободные цены... Мол, хоро-

шо будет, вы только не рыпайтесь, не трепыхайтесь. Сначала больно, а потом приятно. Легкий шок, терапевтический, а потом, сами понимаете, балдеж всеобщий и кайф кое-кому. Раньше-то что кричали? Горячие деньги! Давящая масса! Денежный навес! Реформу опасно, мол, проводить, потому как возможны эксцессы, народ не поймет... А тут тихонько так, мол, ради вашего же блага, потерпите немножко. Это как легкая операция, как зуб выдернуть или как дефлорация, извините-пардон: сначала больно, а зато потом никаких болей не будет, все путем, выздоровление, улучшение к осени... И все в порядке, никаких эксцессов, поверила девушка. Денег горячих нет, навеса нет, ничто не давит, а главное-то, главное: хозяева появились! Все, кранты. Трепыхаться поздно. Настоящие хозяева жизни, истинная раса господ! Либер-рынок, суверенитет! Зачем концлагеря строить для всяких там неполноценных и слабеньких? Зачем девушку-Россию обижать грубостью? Лучше можно: по месту жительства обесилить. Потихоньку так, почти ласково. Ни строить ничего не надо, ни проволоки колючей, ни пуль, ни газа дорогостоящего. Тихая спокойная санация. Решение всех вопросов, так сказать, ампутация чувственности, этакая анестезия. Пожалте на свободные земли, господа иностранцы, жизненное пространство – достойным! За валюту, разумеется, за валюту, не за деревянные же. Девушка трепыхаться не будет – она в шоке, потому как терапия-то шоковая...

Либер-рынок, суверенитет!

Лучшие рынка ничего на свете нет!

Ваучер – наше оружие!

Все боевые инстинкты разбужены!

И ведь как все другое само собой решилось. Сколько билась предшественники над культурой, например – при одном слове, говорят, за револьвер хватались. Газеты закрывать пытались с такими хлопотами. Ну и недовольные были, конечно: репрессии, мол, покушение на свободу слова! А тут простенько так, потихонечку и без репрессий. Свобода слова? Разумеется! Газеты? Да сколько угодно! Только... Только бумажка, господа хорошие, вот сколько будет стоить, и доставочка вам, сами понимаете, не задарма, и всякие там прочие почтовые и экспедиторские услуги, ого-го! И горячее, извольте, за валюту теперь, по курсу вот какому, и про чиновничков не забудьте, они тоже жить хотят, хорошо жить, отстегивайте им, не стесняйтесь. Тихо, спокойно, само все лишнее и отомрет. Зачем запреты? Политика умной должна быть, вот и все. Своих – на ключевые посты! Чужих и говорящих не то не пущать! Толерантность такая у нас, вашу мать!

Ну, а если бы сразу так все наш Президент и сказал, получилось бы что? Фига! А тут – получилось. Ай да секс у нас в России демократической – хитрый, умелый, ласковый, толерантный этакий... Все в нужные позы становятся, все!

Солнце потихоньку садилось. Прощальным ласковым све-

том оно золотило мрачные стены здания Киноцентра, его узкие длинные окна, листья соседних деревьев, желтеющие уже в преддверии осени. Великий Режиссер выбрал желтоватое освещение для еще одного спектакля в бесконечной трагикомедии на этой планете. Метрах в двухстах от сравнительно небольшого здания, где сейчас должно было произойти очередное действие, за деревьями парка, на берегу одетой в асфальт и камень реки виселось другое здание – большое, обтекаемое, с закругленными стенами, не так давно ставшее на весь мир знаменитым, ибо один из спектаклей был связан с ним. Над ним реял на ветру трехцветный российский флаг.

Еще год назад этот флаг был святым. Не только для «афганца», для многих. Теперь, думая о нем, «афганец» ощущал стыд. Символ страны не утерял святости, но то, что он реял над тем строением и реял, как ни в чем не бывало, выглядело теперь кощунством. Потому что главные трахальщики – там.

Вчера проехал и прошел весь предстоящий маршрут. День был погожий, солнечный. Воскресенье. У метро торговали. Такой грязи, как теперь в столице когда-то великой страны, он не видел нигде, даже в оккупированном Афгане. Обрывки бумаги, коробки, пакеты, веревки, пыль, какие-то щепки. Война? Нашествие вражеских полчищ? Торговали кто чем. От пестрых заграничных тряпок до поношенного отечественного старья и электрических лампочек, которые исчезли из магазинов. Сытых лиц почти не было – разве только несколько продавцов в пестрых скоморошьях пала-

точках, расписанных иностранными буквами: молодые, уверенные в себе, довольные. Довольные чем? И откуда у них вся эта заграничная мишура, которую они продают по астрономическим ценам, для кого? Мучил вопрос: говорят ли те, что бойко торгуют, на его родном языке? Кто они? Приехали оттуда вместе с товаром или все же свои? Подошел, спросил. Как будто бы из своих – «челноки»... Не враги они вовсе. Такие же. Временно довольные внешне. На самом деле чувствовалось: не очень. Его жена когда-то тоже занималась «челночеством», это для нее – как и для него – плохо кончилось.

Да, врагов как будто бы не видно нигде. Не война все-таки, как будто бы. Но тогда что? Нашествие чье-то? Но чье? Болезнь... Агония когда-то великой страны.

Нужно было переходить улицу, но путь пересекала толпа людей с лозунгами и транспарантами. Демонстрация армян в защиту Нагорного Карабаха. Угрюмые, сосредоточенные люди шли по направлению к Садовому кольцу.

«Сегодня фашисты осаждают Степанакерт, завтра они будут здесь». «Россия, тысячи армян погибли на фронтах войны, защищая тебя. Защити ты их сегодня!» Такие лозунги.

И это, подумал он. И это. Одно из. Без счета. Абхазия. Приднестровье. Средняя Азия. Осетия и Чечня... Без счета. Виноват ли во всем Президент? Хотел ли он, чтобы было именно так? Да ведь это не имеет значения. У него гигантская власть, а значит, он отвечает за все. Не можешь – уйди.

Не хочешь уходить – отвечай! Да где уж. Он и не думает о таком. Одна сжигающая мысль – быть самым-самым. Кому отвечать-то?

Один из демонстрантов вдруг протянул ему газету. Экстренный выпуск.

– Возьмите, почитайте.

Взял, быстро просмотрел заголовки статей. Стыдно, подумал опять. Стыдно.

Шел механически и вдруг понял, что идет не к Киноцентру, а к Белому дому. Тем путем, как тогда, в Августе! Улица была пустынна, безлюдна. И следов не осталось. Нигде не осталось следов – они получили свое. Теперь все шито-крыто.

О, какие дни тогда были, какие прекрасные дни! Внезапно надвинулась непогода, моросил дождь, дул леденящий ветер, но он, капитан, был счастлив. Он понимал, что запросто может погибнуть – как наверняка понимали и многие из тех, кто шел вместе с ним, – но он был счастлив. Его просто распирало от счастья, глаза были на мокром месте, когда видел этот нескончаемый поток людей к Белому дому, над которым на маленьком аэростате был поднят тот самый трехцветный флаг – гордость и совесть защитников, земляков, соотечественников, родных людей. Шли не только мужчины – шли женщины, некоторые были с детьми; по дороге во дворах находили железки, доски, отыскивали где-то бетонные плиты, выкорчевывали булыжники. Только в снах или в фантазиях

своих раньше он видел такое, что-то похожее проскакивало в книгах, а сейчас свершалось наяву. Вот она, желанная солидарность, на которую, кажется, уже и надеяться перестали. Не «все, как один, по призыву родной Коммунистической партии», не «в едином порыве», не «все встают» и «бурные несмолкаемые» – будь они прокляты! Люди начали становиться людьми. Милые вы мои соотечественники, братья и сестры. Народ страны, граждане Родины. Уж как губили нас, как запугивали и унижали, а вот! Потом, через месяцы, когда снова надвинулась тьма, нашлись, конечно же, холоуи, которые оболгали святые дни, шипели, что тогда собрались одни кооператоры и проститутки у Белого дома и чуть ли не все были в доску пьяны, не ведали, мол, что творят, а путч на самом деле был опереточным, несерьезным, настоящего штурма будто и не планировалось, и об этом якобы все «защитнички» знали... Но это не удивительно, это потом. А тогда... Он никогда и нигде не видел столько светлых, хороших лиц вместе, даже в церкви. В церкви выпрашивают, прибегают, некоторые вообще лицемерят, в церкви опасности нет. А здесь... Ни одного низкого, бранного слова не слышал за все три дня там. В метро, на своей улице – сколько угодно. Но не там. Там святость была.

Святость была у них у всех – кто на площади. Но, как теперь стало ясно, не у него. Не у того, кто был в самом Белом доме, а потом вышел смело и аж на танк забрался свое воззвание лихо читать. И ведь верили ему! И он, капитан, верил.

В Афгане он умер. А тут ожил. Три августовских дня – счастливейшие. И как удивительно, что 21-го вышло вдруг солнце. Солнце победы. Он понял, что есть нечто дороже, чем жизнь. Свобода! Многие думали так. Это теперь он понял, что они были – лохи. Герои, да. Но с густой и длинной лапшой на ушах. И он был такой же.

И все же, какие дни! Какие счастливые, хотя и горькие были дни! Пусть будет проклят тот, кто предал самые светлые, самые святы надежды людей.

Да, его все-таки не убили в Афгане, раз он воскрес в Августе. Его убили потом, после Августа. Свои, соотечественники. Поверившие, поддавшиеся...

А тогда... Тогда он даже любовался тем, кого собирался теперь убить.

Ну, а что же наш господин Президент? О, конечно, чужая душа – потемки! Кто ж в состоянии заглянуть в потемки души того, кто стал настолько большим человеком, что уж не только в душу, а и в глаза ему не заглянешь без трепета и почтения нерассуждающего, кто уж и не появляется на люди как человек, а явление его непременно сопряжено со множеством других человеческих единиц, лишенных, по сути, всяких собственных чувств и мыслей, ибо жестко запрограммированы на зоркое наблюдение за окрестностями и тщательную, беззаветную – не жалея живота своего – охрану вверенного живого объекта... Это даже странно, что он, Его Демократическое Величество, выступая, к примеру, по телевидению, говорит как будто бы человеческим голосом и вроде имеет человеческое лицо, пусть даже усталое и замороченное, отягощенное гигантской ответственностью. Ведь это только представить себе, какая немыслимая, какая сумасшедшая власть! Царь, генсек, президент, император! Страшно, страшно...

И все же попытаемся, попытаемся хоть отчасти попробовать... Ведь матерью же рожден, женщиной смертной, ведь человеком был, книгу наговорил даже, где такой простой и вполне обычный, хотя и смелый, конечно, смелый, честный... Страшно, страшно, а все же попробуем, уфф.

...Президент и на самом деле не знал, успеет ли он на эту презентацию. Дело в том, что в понедельник необходимо было встретиться со многими людьми (двое из них – послы), график напряженный, и хотя он понимал, что надо – тем более, что собирались вести прямой репортаж по телевидению, ожидали и его коротенького выступления (благословения!), – но он не мог знать, как сложится. Впрочем, и Госсекретарь, и Вице-премьер будут там тоже, в крайнем случае выступят за него. Да, мероприятие важное, тем более, что будут представители западной прессы, братья-американцы будут, да и сам факт создания совместной российско-американской газеты имеет значение политическое, но в конце концов не такое уж эпохальное действо, чтобы под него подстраивать все остальное. Телефонной линии разве мало? Тем более, что он устал. Боже, как он устал, если б кто знал. Показывать это было, конечно, нельзя, во что бы то ни стало необходимо держать лицо, что и было, может быть, самым трудным, но временами хотелось послать все к чертовой матери, отключиться, уехать, уйти куда-нибудь на время, хоть в лес, что ли, как когда-то с ребятами, в тайгу, плыть в лодке по таежной реке или играть в волейбол от души, не думая ни о чем, участвовать в соревнованиях... Счастливые годы! Тогда они казались трудными в чем-то, подчас мучительными, он изо всех сил стремился куда-то, казалось, что все это ненастоящая жизнь, настоящая где-то там, в больших

городах, в столице, она будет у него, обязательно будет. Он всегда был отчаянным, ничего не боялся, смерть не раз подстерегала его – раз сто, не меньше, – была совсем рядом, дышала, можно сказать, в затылок, но он каждый раз ускользал. Раньше не задумывался над этим, а теперь иногда нет-нет и проскакивало: судьба-то, видать, специально готовила его. Для этого. Для этого немыслимого поста. Ого-го! Но еще немного, еще поднажать как следует, и тогда уж!

Шикарные апартаменты, в которых он теперь чаще всего пребывал, не очень-то были ему нужны. Дело не в них. Роскошь он не очень-то уважал, в книге наговорил даже, что презирает бывшего тогда Генсека за склонность к ней, хотя теперь вот и сам... Но ведь положение обязывает, что ж сделаешь. Каков поп, таков должен быть и приход. И все-таки есть какая-то мертвость в роскоши, в фальшивой добросердечности прислуги, охраны... Не в роскоши дело. Беда, что теперь он иногда как будто бы не принадлежит себе. Возможно, и раньше он тоже не принадлежал себе, но, по крайней мере, думал, что живет своей волей, просто живет. Как все люди. Теперь все чаще понимал: нет. Хотя добился действительно многого.

Он хотел, как лучше. Он всегда хотел, как лучше. Конечно, не всегда получалось. Но он старался.

Да, он устал, он очень устал, но даже эта, ставшая в последнее время привычной, усталость пока еще не могла заглушить внезапно возникавшего ощущения могучей, пьяня-

щей радости: он достиг, он осуществил то, о чем не мечтал даже в самых безудержных мальчишеских фантазиях! Вообще-то жизнь всегда была для него интересна, она была такой потому, может быть, что он никогда не считал себя трусом, старался жить свободно, раскованно, он любил жизнь! Сколько раз он действительно был на грани смерти, а ведь проносило. И как-то всегда получалось так, что люди поддерживали его. Он шел им навстречу – и встречал понимание. Теперь, конечно, все стало сложнее – на него навалился такой невыносимый груз, совладать с ним очень трудно, но он надеялся все же, что со временем образуется. Правда, мешали. Мешали многие. Мешали ужасно! Каждый лез со своими амбициями, думали не о деле, а о себе. Чехарда, неразбериха. Он же работал, вставал ни свет, ни заря. Не все получалось, кое-что приходилось менять в своих решениях, бывали ошибки, он понимал, но старался. Он верил в свою судьбу, верил в удачу. Ого-го!

Временами казалось, что происходящее не имеет к нему отношения, то есть, наоборот, он не имеет отношения, все происходит помимо его воли, как во сне. Словно им что-то двигало, что-то его вело. И тогда действительность становилась непонятной. Но потом вдруг радостное чувство опять возвращалось, как в сказке. Кто б мог подумать... Все поверили ему, надеются на него! Правда, трезвея, он вновь и вновь понимал: правильно говорит Госсекретарь (вообще-то не очень умный, но послушный, по крайней мере, надежный,

видимо), что здесь, мол, все прогнило, лучшая жизнь наступит, только если разрушить все, потому что бесполезно менять детали, по-настоящему надеяться можно только на иностранцев, которые умеют работать, а здесь, у нас, все отвыкли. Вот то, что он видел в других странах – в Америке, например, – это да, это действительно. Так бы и нам, но сначала разрушить. И правильно делает Вице-премьер и его команда... Разрушения шли очень споро, правда, порой бестолково, все как-то рассыпалось, и со строительством нового было трудно... Временами даже появлялось отчаяние, мучительно приходилось выход искать.

Да, трудно, очень трудно. А еще «бывшие». А еще спикер этот надоедливый и капризный. А еще красно-коричневые скандальные крикуны. Много, много всякого, всяких... Одинок он чувствовал себя порой. Одиноко. Народ, правда, пока еще любит его, но живет все же плохо. Но что поделаешь – не все сразу. Он же, народ, выбрал его, своего президента, пусть теперь слушает, что он скажет. И делает так, как решит президент. И все должны делать так и не сопротивляться.

Порой даже улетучивалась радость победы, и тогда казалось, что дикая мрачная сила мешает ему. Теперь все чаще приводила в смятение мысль о том, что та же сила, очевидно, действовала и на соперника, а он, бывший тогда под ним, этого недооценивал. Вот почему тот был сомневающимся, неуверенным, так странно и необъяснимо лавировал, боял-

ся сделать решительный шаг, а сделав даже маленький, испуганно отпрыгивал назад или в сторону! Ему, теперешнему хозяину страны, оказывается, доставались лишь отзвуки, лишь отдельные камни могучей лавины, которую целиком принимал на себя бывший его главный соперник. Теперь вся эта сокрушающая, адская лавина надвинулась на него, он изнемогал под ее напором, ощущал себя плотиной, которая трещит, дрожит и вот-вот рухнет. Ну, и, конечно, *оттуда* идет всякое. Приходится подстраиваться, ничего не поделаешь.

Трудно, невыносимо трудно.

Было во всем что-то необъяснимое, инфернальное. Словно чьи-то могучие руки тянули его назад. А какие-то, наоборот, вперед. Вроде бы он старался, вроде бы все делал правильно, в том направлении, в каком нужно, но вдруг в недоумении останавливался и видел: что-то не то... И сам не хотел себе в этом признаться. Он же старается!

Он порой как бы даже не узнавал себя, и жил в ином, словно бы кем-то выдуманном мире, играл написанную для него кем-то роль и все чаще и чаще ощущал полную беспомощность. И страх. Дикий, необузданный страх вдруг возникал. Раньше думал, что достижение столь гигантской вершины даст ему ощущение небывалой, ни с чем не сравнимой свободы и легкости. Увы. Ровно наоборот. С удивлением ощущал он, что никогда не был так несвободен, как теперь. А он-то считал, что не вполне свободен был тогда! Походы с

ребятами, деревенские драки, соревнования, потом путешествия по стране зайцем в железнодорожных вагонах (в них и на них). Отчаянные, непредсказуемые поступки! А ничего. Выжил! Вступил в партию, пошел быстро по партийной линии, сделал карьеру по тем временам головокружительную. А свободы стало, наоборот, меньше. Ну, это еще можно было понять. Он же не добился по-настоящему высокого поста. Нужно идти дальше. Все будет – там. Он ведь только начал восхождение на вершину – вот там-то и ждет его истинная свобода и возможность максимальной самореализации, ощущение независимости и самости полной. И вот... Сколько противников и врагов перемог! Даже самого главного, коварного, хитрого. И вот...

Таким зависимым, таким несвободным никогда не был. И страха такого не было никогда. Проклятье какое-то. Аж кости трещат. И главное: нету пути назад! Словно на вершине, на пяточке, на ветру, в одиночестве. Ну, еще семья, конечно. А кругом – обрывистые, скользкие склоны. Неверный шаг, и – в пропасть. И все, кроме самых близких своих, враги.

На заседаниях он теперь восседал во главе стола, видел перед собой послушные как будто бы, но ой же какие непростые лица-личины. Что скрывается за каждым из них? Маски, искусственные, напряженные маски, невозможно угадать, что за ними скрывается. Одно ясно: всем что-то надо, все чего-то от него хотят. И многие его ненавидят. Да почти все чужие. Каждый себе на уме! Мало кому есть дело до

него и до его дела на самом деле. Ну, и еще отвратительно – лезть. Он стал прямо-таки купаться в лести! Искренность отношений исчезла из его жизни совсем. Кому можно по-настоящему верить? Если не считать семью, то десяток людей, не больше. Да и те просто заинтересованы в нем, в том, чтобы он оставался, потому что лично им это выгодно. Да и есть ли вообще где-то честные люди? Раньше казалось – есть. И много. А теперь кажется наоборот.

Конечно, он держался за старых, проверенных. Верность в дружбе – прежде всего. Однако...

Теперь было не до страны и не до людей. Приходилось думать только о том, чтобы удержаться на этом посту, сохранить свою огромную, казалось бы, а на самом деле иллюзорную власть. Конечно, надо, чтобы страна могучей была, но надо ведь и то, и другое. Он же взял на себя! Теперь надо доводить до конца. С утра до вечера, а то и всю ночь он думал, как. Никто же, кроме него.

Ну, а если вернуться к презентации этой... Дал когда-то согласие, и теперь надо втискиваться в насыщенный график, хотя если по-настоящему, то есть дела поважнее, чем его присутствие там. Хотя и нужно в очередной раз показать уважение к ним. И к самому. Вообще очень неприятно еще и то, что жизнь его в последнее время стала превращаться в сплошное представительство – думать уже некогда, для себя, для своих времени не остается вообще, и ладно бы для себя и своих, а вот для настоящего дела времени все меньше и

меньше! Его растаскивают по частям, временами он сам кажется себе большим и сильным животным – лев, что ли, или медведь, – а рядом несметная свора маленьких хищников: гиены, шакалы, клювастые и когтистые птицы. Не говоря уж о мелких надоедливых паразитах. Тяжело.

Да, тяжела ты, шапка Мономаха, верные слова, верные – только теперь он начал осознавать, насколько она действительно тяжела. Зачем власть, ради чего мучительная, невыносимая эта нагрузка? Тяжело, ой как тяжело, дорогие мои россияне. Но я же стараюсь, стараюсь...

Правда, такое «упадочническое» настроение посещало его лишь в минуты крайней усталости...

Зал Киноцентра между тем заполнялся. И кого же тут только не было! Ну вот еще и представители разного ранга администрации, то есть новой номенклатуры, и директора всевозможных СП, то есть совместных с иностранцами предприятий и контор, а вон и несколько служителей церкви и даже один весьма, весьма благообразный священник – батюшка с большой седой бородой, в длинной черной рясе, с большим золотым крестом на золотой же тяжелой цепи, важный такой... Садись, занимали места в наполовину уже заполненном зале достойные люди, скоро ведь все начнется, скоро, скоро!

Достойные, достойные люди, жизнь чуть ли не каждого заслуживает не только повести какой-нибудь, а прямо скажем: романа! Ну вот один из директоров СП, к примеру...

Воспитанный советской показательной школой, примерный пионер и отличник, потом, естественно, комсомолец по убеждению, а дальше, разумеется, член «Ума, чести и совести нашей эпохи»... Ну, в общем, был он, конечно, пламенным противником частной собственности, свободной торговли и всего, что связано с жутким, враждебным родине капитализмом-вещизмом, а также религии, которая, известно же, «опиум для народа». Вообще считался он стойким идейным борцом – и сам себя таковым считал! – за что и был вы-

двинут в парторги крупной организации одного из заводов, а потом и, ясное дело, в райком. Умел убеждать людей искренне, руководить ими – идеолог, что называется, милостью Божьей, хотя Бог тут был, как бы это сказать, не при чем, что ли. А потом... Это же надо ведь, как бывает в жизни! Пришло поистине озарение, прямо как будто явление Богородицы отроку Варфоломею – Новый Генсек, перестройка, а потом и вовсе августовские события... Ну, конечно, ну, ясно же, что то, что парторг проповедовал раньше – чепуха, полнейшая глупость и ложь, теперь можно было открыто и смело об этом сказать! Мгновенно «перековался» он! Да, коммунисты на самом деле бессовестно лгали о «светлом будущем страны и народа»! Но теперь с этим – покончено. Пути разошлись! Осознав, он решительно и бескомпромиссно вышел из партии, как только стало окончательно ясно, что дни ее сочтены... Да здравствует капитализм, именно в нем наше светлое будущее на самом деле! Бывший отличник советской школы и здесь стал отличником, примерным, выдающимся человеком, умеющим действовать и убеждать. Он быстренько создал свое СП, тем более что связи кое-какие остались. Трезвость, расчет, бухгалтерия, а не маниловская богадельня «совка» – вот она, наша надежда теперь! Способный человек, очень способный...

Священник же, батюшка почему здесь? Так ведь без представителей Православного Храма Божия не обходится теперь ни одно мало-мальски солидное мероприятие, ясно же!

Скептически, правда, настроен отец, надо думать, уж больно как-то быстро переменилось отношение властей земных к власти Небесной, ну да ведь и отказать в благословении чадам Божиим нельзя, а потому что ж. Его пригласили, он и пришел. Нельзя же отказывать чадам Божиим, коли настойчиво просят. Разумеется, мы можем только фантазировать о том, что думал достойный этот служитель по поводу тех людей, что вчера церковь в грош не ставили, разве что беззастенчиво грабили при каждом удобном случае, а теперь вот благословения просят... Ну да ладно, ладно, все равно ведь все под Богом ходим, на Страшном Суде во всем разберутся... Вот он и пришел на презентацию какой-то газеты.

Впрочем, да, послушайте, что же это мы все о мужчинах и о мужчинах? Тут ведь – сказано уже! – в немалом количестве и представительницы наипрекраснейшего из полов, супруги и дочери, а еще и специально, как тоже сказано, приглашенные финалистки Конкурса Красоты, этого очаровательнейшего из действ, пришедшего к нам вместе с демократией и свободой. Посмотрите, какие лица, какие формы! Ах, ну это же просто цветы человечества, целуем ручки, пардон-мерси, не хотите ли выпить водочки или еще чего, ай бег ю май пардон, позвольте вас проводить к вашему, так сказать плейсу в зале, ах, какое очаровательное у вас фейсо, какие шикарные золотистые хаес, какие соблазнительные длинные лэги оф ю...

Со смешанными чувствами смотрел капитан «афганец» на все это человеческое великолепие. Когда-то он видел фильм о катастрофе с междугородним автобусом. С самого начала было известно, что погибнут пассажиры нескольких первых рядов. Но это потом, а пока автобус ехал и никто ничего такого не ожидал, между пассажирами возникали какие-то отношения, и они пересаживались, менялись местами. Кроме того, мы, зрители, что-то узнавали о каждом из них, они становились нам близкими, мы переживали за них, нам не хотелось, чтобы погиб именно этот или именно та. Конечно, жалко всех, но некоторых ведь жалко особенно... Однако первые ряды неминуемо должны погибнуть, и мы с замиранием сердца следили за тем, кто именно садится на роковые места.

И теперь «афганец» с каким-то странным чувством смотрел на тех, кто садился недалеко от сцены. Дело в том, что высокие лица занимают на презентации, как правило, первый ряд. Те, что нужны ему, тоже, очевидно, займут самый первый. Да, определенно даже, потому что поначалу даже не один, а три первых ряда были пусты. Поначалу. Теперь-то там кое-кто уже был. Директор СП и священник-батюшка, например, тоже.

Зону действия трудно определить с точностью, но какое-то количество попутных – невинных, случайных – жертв несомненно будет. Тут уж ничего не поделаешь. И как-то само собой получается, что он, капитан, теперь властитель их

судеб. О чем никто из них, разумеется, и не подозревает.

Тошнотный комок внезапно подкатил к горлу. При всем том, что он давно уже простился с собственной жизнью и считал, что назад пути нет, и давно решил, что задуманное – это на самом деле единственный выход, все остальные испробованы и результата не дадут, это уж точно, единственная надежда осталась на это, а те, кто погибнут здесь за компанию, вовсе не обязательно самые достойные представители нации, к тому же их будет немного – значительно, неизмеримо меньше, чем гибнет и неминуемо погибнет еще от бездарной, предательской, геноцидной политики Президента и его сумасшедшей команды, – при всем при этом он вдруг ощутил жуткое отвращение ко всему на свете. Что же сделали мы со своей жизнью, люди! Из-за того, что какая-то дрянь человеческая постоянно рвется к власти, погибают лучшие представители рода людского, и, в частности из этих милых девушек тоже кое-кто погибнет, а то и вовсе инвалидами останутся! Да ведь уже погибло столько! И скольким приходится себя продавать. Как же мы допускаем такое, мужики!... Только что чувствовал он себя почти святым, чистым, чуть ли не светящимся неземным голубовато-фиолетовым светом – спасителем, мстителем благородным! – но вот состояние изменилось резко, и он, оказывается, уже чуть ли не подлый преступник, безжалостный террорист, духовный брат убийц и насильников всех времен... Господи! Но ведь они же сами вынуждают – другого выхода нет! – они же ведают, ведают,

что творят, сволочи, воры, бандиты, убийцы...

Ах, Россия, Россия! Русский человек шагу не сделает, чтобы не сомневаться, не попытаться оправдаться и объяснить, ради чего, зачем и нет ли здесь неискупаемого греха. Убийство задумает, а обязательно философию подверстает, что, мол, божеское это дело на самом деле, и не убивает он вовсе, а восстанавливает вечную справедливость. Вот ведь, например, сколько давеча поубивали, а все – ради Светлого Будущего. «Все, как один! Расстрелять, как бешеных псов!» И опять. Вот уж воистину столько обстоятельств сплелось, что и впрямь не видно другого выхода, как взять да кого-то прикончить. Думай не думай, а ведь действительно: ну как тирана или неспособного, однако же властолюбивого человека убрать, если всей своей железобетонной мощью защищает его бесчеловечная государственная система, если от бездарности или жестокости его гибнут невинные, беззащитные души, причем в первую очередь – лучшие? Нет другого выхода, кажется, ну нету и все. Да ведь и не только в бедной России. Где выход, граждане, где же выход?

Думать-то не надо бы капитану теперь, рассуждать поздно уже, коли задумано нечто в твердой памяти и здравом уме! Ведь все верно он в своем Послании разосланном написал, все объяснил и всячески оправдал, все! Это верно, конечно, что теперь главное – не сомневаться и действовать, ну а как же не думать-то, а? Вдруг ошибочка выйдет? Роковая ошибка-то, не исправишь. Ведь какие-то невинные все равно по-

гибнут, ничего не поделаешь. Да, неизмеримо меньше, чем от них, «реформаторов», каждый день гибнет. А все-таки.

И еще вот ведь что удивительно: почему-то все больше удавались покушения на людей прогрессивных, истинных реформаторов, а вот на Гитлера, к примеру, даже не подействовала бомба, хотя она разорвалась в закрытом бункере и совсем рядом с ним. И вот, смотрите: погибли от покушений кто? Линкольн, Столыпин, Джон и Роберт Кеннеди, Мартин Лютер Кинг, Индира и Раджив Ганди, еще многие. А о скольких мы не знаем! И даже самого Христа распяли запросто, открыто, еще и кричать убедили тех, ради кого Он жертву решил принять: «Варавву, отпустите нам, а Этого Учителя, распните!» А вот мракобесов, иезуитов всяких мастей, тиранов, Калигул и Иродов, убивавших людей сотнями тысяч и миллионами, судьба почему-то очень заботливо хранила. И хранит. Странно, странно. Почему это, а?

Нет, ребята, что-то тут непонятно. Ну разве не самым разумным было бы вовремя всяких калигул и гитлеров приканчивать? История ведь шла бы по другому пути! Даже войны Великой Отечественной, может быть, вообще не было бы! И сейчас бы так не мучились люди... Да, да, вот ведь и сейчас.

Нет, это искушение, проверка на прочность, подумал «афганец». Сомнения – от Лукавого. Решил – сделай. Правильно ведь решил...

Голова кружится, это да. Тошнит. Не хватало еще, чтобы прямо здесь и вырвало. Или в обморок грохнуться, словно

какая-нибудь конкурсантка...

— *Пакетик для этого самого не взяли, сударь? Или таблеточку, спирт нашатырный?* — словно послышался ему насмешливый голос.

И отлегло. Полегчало. Мужайся, капитан. Скоро уже, совсем скоро.

Но вернемся, вернемся же поскорее к тем, кто садится — сел уже или должен сесть... — на рискованные места. Ведь мы пока ни слова не сказали об очень важном, очень значительном человеке, которого пока что нет в зале, но который обязательно должен быть вместе с Президентом и, скорее всего, уже едет, едет. О Вице-премьере! Этеншн, этеншн... Самое живое, самое искреннее внимание...

На самом деле: этенши! Внимание то есть. Ибо...

О, это ведь на самом деле любопытнейший человек, наш Вице-премьер, потому что он ведь родился в семье, где традиции чести, служения Родине, идеалам возвышенным были в чести, где бескорыстие, честность были наверняка заложены легендарным дедом – писателем! На книгах которого воспитывалось не одно поколение граждан страны!

Этенши! Лук хиэ! Смотрите сюда! Посмотрим. Посмотрим, как же традиции эти продолжились, как были восприняты потомками автора достойнейшей книги, самыми непосредственными...

Что же он делал, наш Вице-премьер, в этот роковой для себя солнечный осенний день? Встречался с кем-нибудь? Распоряжения по телефону давал многочисленным помощникам да министрам своим? А может быть, что-нибудь сочинял – этакое экономическое, сугубо научное? Вот только не развлекался – это уж, надо думать, наверняка. Вряд ли, вряд ли. Какие уж тут развлечения...

Уверенно, лихо, с плотским каким-то удовольствием, небось с аппетитом, оперировал цифрами, правилами, выученными за годы штудирования учебников отечественных отчасти, но главным, главнейшим образом, конечно же, зарубежных экономистов. Изобретал, перегруппировывал, пе-

реучитывал, формулировал – ему казалось наверняка, что находит оптимальные, порой гениальные решения, просто дух захватывало, небось, от свободы, от собственной смелости, от размаха, от перспектив. От реализации идей и планов своих! Еще немного, еще чуть-чуть, и – вытащим, вытащим колымагу из грязи, думал он, новая экономика – рынок! – уже работает, рождается самостоятельное дитя! Он, чего уж скрывать, определенно гордился собой: никто не брался, боялись, не решались, а он – решился. Камикадзе он! Такие реформы уже провернул, а то ли еще будет! Такую гигантскую неуправляемую стихию обуздать в такой огромной, ну просто бескрайней стране легко ли? «Россия – не страна, Россия – это Вселенная» – говорила, кажется, одна из русских цариц. И он теперь – укротитель, организатор, преобразователь этой Вселенной и ведь в столь невеликом, столь крепком еще, здоровом возрасте! Какие уж теперь развлечения, не до развлечений теперь. Сколько дел, сколько дел, дни летят, недели, месяцы, без остановки... Работа, работа, работа – вот это и есть вся жизнь. А остальное – за стеклами. За стеклами кабинета, офиса, автомобиля, самолета, автобуса... Там, за стеклами, – люди, природа, страна, небо, солнце. Он же – здесь. Среди бумаг, чиновников, телефонов, кресел и стен. Тем сказать, там подписать, туда позвонить, тем обещать, этих принять, а тех, наоборот, послать... Какие уж тут развлечения! Всерьез работает человек, всерьез.

И где уж, ну разве могло прийти ему в голову, что бы-

ли, были уже подобные «реформаторы» в мире, не учитывающие, не умевшие принимать во внимание естественные условия, не понимавшие, что человек – не только часть своей страны и человечества даже, но и Природы, что он временно может, конечно, становиться «статистической» единицей «массы», управляемой «финансовыми потоками», и специалистами разными, но он все равно Часть Природы, причем *разумная* ее часть, и ему мало «обеспеченности» материальной, какая достигнута «волшебником-капитализмом» на Западе и в Америке, мало. И люди его страны – России! – не случайно так упорно, так самоотверженно пытались строить Светлое Будущее, где не абстрактные «финансы» и их воротилы-владельцы решают все, а другое. И хотя мешали этим отчаянным людям те, кому нахрен было Светлое Будущее, а нужно было «святое право личной собственности» только, но кое-что все-таки у этих отчаянных людей получалось. И потому его вождь «свободный рынок» если и «расставит все по местам», как он утверждал, то так может «расставить», что ничего хорошего из этого не получится. Не получилось уже. А потому энтузиазм его не только бесплоден, но вреден, ибо оторван от жизни, мертв. Ну да где уж, где уж, не до этого ему – работать надо, делать свое...

Разумеется, это была не столько вина, сколько беда его. Хотя и вина, конечно же, тоже. Он был таким, каким был, и старался работать честно, но по-настоящему не задумывался. Беда его – как и многих других – была в том, что он упор-

но делал свое, но игнорировал чужое, особенно и не вдумываясь. И еще принимал как должное то, что всякая власть в его стране безотчетна и неуправляема. Как люди делают, так и будет. Вот, правда, человеческая ли такая власть? Остаются ли людьми у нас те, кто у власти? Ведь меняются порой просто неузнаваемо! Но теперь он сам у власти и понять его можно, конечно. Его ли вина в том, что верховная, фактически безграничная власть – Президент, – поддавшись его умным, не всегда понятным, однако же насыщенным очень профессионально звучащими терминами речам, поверил в него и дал полный карт-бланш для любых операций над огромным, сложным, живым пока еще, однако предельно уставшим от бесконечных экспериментов, тяжело больным организмом страны? Он легко мог бы сделать нищими да хоть и вовсе уморить миллионы людей – ради лучшего, с его точки зрения! А отвечать пришлось бы все равно не перед ними, уморенными и не перед каким-то Богом (он ведь, Вице, был, как мы знаем, «агностик»), а всего лишь перед одним-единственным человеком – самим Президентом.

Вот Вице-премьер и старался. Себя не жалел, лихо действовал постановлениями-распоряжениями, боролся с «контрой», как когда-то его легендарный дед, ставший чуть ли не в отрочестве командиром полка. Но дед-то, видать, искренне верил, что ее, «контру», нужно стрелять, что именно в этом заключалось служение Родине, трудящимся людям, он сам постоянно рисковал жизнью и в конце концов отдал

ее. Себя не жалел, а людей любил все-таки. Не всех, да, не всех. Но – любил. Заблуждался в чем-то, может быть, не всегда тех убивал. А все ж любил. И верил в то, что можно по-человечески жить.

А во что верил и кого любил внук? Неужели в то верил, что главная задача демократической власти – да-да, демократической, именно, а значит, справедливой, значит, гуманной! – это как можно больше выжать соков именно из людей-тружеников – ради их же «материального блага»? Неужели в то он верил, что ограбленные старики, старухи и прочие граждане, униженные и полуголодные, это и есть те, кто мешает молодой демократии? Или бывшие советские инженеры и директора. Неужели в то верил, что спасти страну и ее поработенных теперь уже новой властью людей могут лишь те, кто всегда исповедовал жажду только личного обогащения, и среди них самые достойные – «успешные» иностранцы? То есть те, кто Россию всегда ненавидел... Неужели любил он только их, бесчувственных, то есть породу людей, никого, кроме себя, не любящих? Неужели честь, солидарность, достоинство, дружба – все эти старые, старые идеалы – теперь оказались ненужными, лишними, теми «ядовитыми корнями», которые необходимо выдергивать? Вот интересно: в молодой советской стране старые, старые идеалы Ленин считал «буржуазными пережитками», а теперь, в «демократической» России, те же старые, старые идеалы считаются «совковыми пережитками»! Забавно, правда? Неужели

цифры, формулы, умозаключения и теории – это истина, а люди живые, что за ними стоят – лишь подопытный, вспомогательный материал?

Ай-ай-ай, извините, господин Вице, мы, конечно, погорячились. Не совсем так, ну, конечно же, не совсем. Есть узенькая тропинка, как вы сказали, по ней-то и нужно, мол, вести страну. А кто сорвется с кручи – так что ж... Может быть, может быть... Но ведь ценности-то, уничтоженные в самом начале, из чего вырастут потом, а? Тяжело их нести, да? Трудно с ними в пути? А вот ограбленные вами, униженные промежду прочим – для пользы дела, конечно, для пользы дела, понятно, понятно... – они-то куда ж? И старые, старые – теперь «совковые» – ценности уже не вернутся, да? В высшей степени сомнительна она, ваша узенькая тропиночка, господин Вице! Уж не под каким-то «кайфом» ли, не по чьему-то внушению придумали вы ее часом? Не из умственных ли фантазий вывели, а? Раньше-то жили люди в СССР все же, не умирали, не кончали с собой тысячами, как сейчас, кое-что ели даже, и ведь ресурсы природные пока сохранялись. А теперь? Теперь вывозятся и высасываются активнейшим образом ресурсы природные, и денежки за них льются кое-кому и куда-то деваются... И все это уже при вас, при вас, господин Вице, с вашего уверенного согласия, да. А смотрите, сколько налогов вы навалили, а денежки от налогов где? Утекают тоже куда-то... Так о какой же тропинке вы, где она? Не можете объяснить толком и не объясняете –

все только заграничными теориями прикрываетесь, – и уж конечно не слушаете никого, не хотите слушать, естественно, естественно. Все сами, сами... Вот это, последнее, уже не беда только. Это уже вина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.